

НОВАЯ ГАЗЕТА

НОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ • ОБЩЕСТВО

В одной воде

Отказавшиеся уезжать переживают «эффект отсутствия».
Монолог московской журналистки

10:32, 11 декабря 2024,

Татьяна Малкина

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Фото: Константин Кокошкин / Коммерсантъ

Это — одна из глав [доклада «Разорванное поколение»](#), подготовленного Лабораторией будущего «Новой газеты».

Татьяна Малкина

Российская журналистка, колумнистка, редактор, работала в «Независимой газете», газетах «Сегодня», «Время», «Время новостей», «Московские новости», журнале «Отечественные записки». Живёт в Москве.

После начала великого исхода-22 в какой-то момент я почему-то позволила себе втянуться если не в споры про «уехавших» и «оставшихся», то уж точно — в огорчительные размышления на эту тему. Но чем жарче становились дискуссии и битвы, тем легче мне было не участвовать в них, а потом и перестать их замечать.

- Во-первых, и без того нет уже сил думать и слез плакать о куда более важном и страшном.
- Во-вторых, по полузрелом даже размышлении довольно быстро стало понятно: нет, люди не делятся на уехавших и оставшихся. Они делятся на умных и глупых, добрых и злых, мелочных и великодушных, щедрых и злорадных, мелких и глубоких, прищемленных и долюбленных. Положение их тел в пространстве не может наделить их не присущими им характеристиками, иногда лишь обстоятельства, в которых оказываются тела, могут обострять те или иные черты, которые, повторяюсь, всегда при людях.

Ни один человек, прилично разбиравшийся, например, в политической ситуации в России, не стал нести чушь о ней лишь потому, что переехал. Если понауехавший специалист начал внезапно нести чушь по специальности, надо просто присмотреться к тому, что он нес до отъезда. С высочайшей долей вероятности выяснится, что и на родине он вообще-то нес вполне себе чушь, просто по ряду причин это было не так видно и заметно.

Если вдумчивый человек вдруг начинает говорить передовицами газет (неважно, каких), то это скорее всего означает, что и раньше он не владел в полной мере навыками критического мышления и самостоятельного анализа, значит, он всегда был пакетным, просто пакет до времени был один на всех.

Если ваш недавний сосед пишет из Испании «и в Шереметьево

на всех надевают кандалы», это означает, что связь с реальностью никогда не была его сильной стороной. Просто

эмиграция — как один из острых, экзистенциальных кризисов — обостряет, видимо, все сколько-нибудь присущие субъекту болячки, недуги, симптомы.

Если в спокойном состоянии они были слабо выражены и не видны, то теперь они ярки.

Впрочем, все сказанное относится, конечно же, и к оставшимся, к числу которых принадлежу и я. Стресс обнажает все шрамы и изъяны, да. Но опять же, именно дурак станет орать, что зелен виноград (по другую сторону границы), именно профессионально несчастный будет попрекать эмигрантов привилегированностью, бедолага впадет в вотэбаутизм и путинферштейнеризм, убогий примется считать чужие евроценты, завистник — радоваться чьим-то неудачам.

Это все повылезало на поверхность от горя на самом деле. Потому что горе теперь везде, не только на полях кровопролитных боевых действий, но и вокруг, и внутри каждого. Горе, пустыня, черный ветер, страх, неопределенность. Все мы — уехавшие и оставшиеся — на самом деле обломки одного гигантского кораблекрушения в совершенно диком океане. Кто-то покрошен стихией до неузнаваемости, в щепу, а в ком-то еще можно разглядеть былую форму, сохранен функционал. Кто-то упорно пытается выгрести к гипотетическому берегу, кто-то сдался на волю волн и следит лишь за минимизацией ущерба. И все мы в одной враждебной воде.

Фото: ITAR-TASS

Я написала про себя как про оставшуюся. На самом деле я скорее остающаяся, так точнее. Для начала, потому что я отношусь-таки к категории суперпривилегированных — у меня есть техническая возможность уехать, но у меня есть и возможность остаться (тьфу, чтоб не сглазить). Возможность не уезжать, как оказалось, — драгоценнейшая привилегия сегодня, воистину. Все мои друзья, которых мне чудовищно не хватает, были вынуждены покинуть Россию. Их вынудили упыри, выдавили, выгнали. Они чаще всего не могут даже на день приехать по делу никакой важности без риска оказаться в хищной пасти озверевшей родины.

Оставшись, мои друзья рано или поздно оказались бы на нарах или в окопах (что в их случае опять означает на нарах). Я остаюсь здесь тихой домохозяйкой, которая очень может и, очевидно, очень не хочет никуда уезжать и каждый день молит неизвестно кого о том, чтобы ей не пришлось в один не прекрасный день принимать вынужденное решение об отъезде.

Но я атеист. И я понимаю, что практически никакого контроля над собственной участью у меня нет. Точнее, он очень ограничен.

Например, я понимаю необходимость не выходить на улицу с одиночным пикетом, понимаю, что не стоит вцепляться в морду случайным транспортным z-попутчикам (это труднее, чем не выходить на пикет, пикет вообще нелюбимый мною жанр). Понимаю даже, что не стоит, видимо, носить в Москве черную футболку из Ельцин-центра, на которой белым по черному напечатаны ключевые статьи Конституции РФ. Я понимаю, что было довольно мудро оставить в прошлом году преподавание в вузе — я не в состоянии произнести ртом аббревиатуру «СВО» и не в состоянии прикидываться идиотом (и мне дико не хватает студентов, они очень помогали выжить, у меня была с ними пара, кстати, прямо 25 февраля 2022 года, я плакала и просила у них прощения, они пугались и утешали, мы потом провели семестр вместе, от них было много счастья, они живые, любопытные и сохранные).

Что еще я могу сделать для защиты от изгнания? Да ничего существенного. Я не могу делать вид, что одобряю происходящее, не могу прятать ненависть и презрение. По счастью, я давно не работаю журналистом, так что площадки для опасного тематического самовыражения у меня попросту нет. Но я могу позволить себе не работать, это еще одна чертовски ценная привилегия, чтоб не сказать больше. Меня, правда, могут интернировать за второе гражданство, самое недружественное из возможных. Но тут уж точно не угадать.

Противно ли мне все это? Не то слово. Испытываю ли я несовместимую с жизнью ненависть и тоску? Испытываю. Больна ли я каждый день, читая новости с фронтов и из судов и тюрем? Больна. Разрушена ли я беспомощностью? Разрушена. Сплю ли я ночью? Нет. Нашла ли я способ дышать? Не очень, но пока есть ингаляторы. Есть ли смысл в моей жизни? Кажется,

нет. Будет ли мне легче, если все это я буду переживать в Париже? Не думаю.

Я могла бы привести список причин, побуждающих меня дорожить возможностью остаться, — от простых и всем понятных (мама) до совсем уже труднообъяснимых (злое упрямство) — и в промежутке будет много пунктов, практического свойства и идеалистического. Но именно дискуссии про ложную проблему уехавших-оставшихся убедили меня в тщете объяснений.

- Во-первых, те, кто с тобой, и так понимают.
- Во-вторых, у каждого, кто не понимает и правда хочет именно что понять, есть возможность просто спросить, но такое почему-то случается крайне редко. Впрочем, отвечая на весьма нелегкий для тебя самого вопрос о причинах неотъезда, часто праздный или даже недружественный, ты почти автоматически начинаешь как будто бы оправдываться, потому что сам ни в чем не уверен. В общем тщеты в таких объяснениях явно больше, чем смысла.

Помню, например, как один популярный, в частности среди моих друзей, прозорливо очень давно уехавший политолог чуть ли не через пару месяцев после начала катастрофы написал большой аналитический пост про все сразу и поименовал меня в числе неких «оставанцев», поместив меня в очень эклектичный список — среди видных деятелей оппозиции, каких-то обскурантов и малознакомых мне людей. Изумили меня не столько безумный список и кличка «оставанцы», столько то, что мы с ним были на дружеской ноге и ничто не мешало ему задать мне хотя бы один вопрос, хотя бы даже в мессенджере, прежде чем запихивать в какую-то пригрезившуюся ему ячейку. «Мммм, дружок, — подумала я, — интересно, все ли твои анализы примерно настолько же фундированы?» Оказалось при ближайшем рассмотрении, что настолько же, что, впрочем, не мешает его популярности. Не

знаю, кстати, прижилось ли погоняло «оставанцы».

Фото: Константин Кокоскин / Коммерсантъ

В любом случае, как оставшейся или как остающейся, мне все время кажется, что уехавшим намного трудней, чем не уехавшим. Я, правда, не могу себе представить, как бы я справлялась, думаю, что никак. Все же подавляющее большинство моих друзей по роду занятий не мешки ворочали, они были стержнем культурной, интеллектуальной и общественной жизни здесь, а теперь им предстоит найтись и быть найденными там. Есть уникальные случаи, когда уехавшим (но все же скорей тем, кто давно, а не в результате февраля) моим друзьям удалось перестать жить жизнью родины-уроины, перестать следить за новостями, перестать понимать разницу между Белоусовым и Орешкиным, между Песковым и Захаровой, между Вайно и Кириенко, перестать выбирать между Сциллой и Харибдой. А некоторые друзья, по

счастью, либо сразу обладали, либо сумели овладеть профессиями, никак не связанными ни с русским языком, ни с проклятой великой русской культурой и ее проклятыми вопросами. Таких мало, я ими горжусь и не волнуюсь за них. А за других — очень, очень волнуюсь. Мне страшно, что никто не разберет их почерка, мне страшно, что им, возможно, придется мучительно избегать компромиссов, которые содержательно отличаются от тех, что предлагаются в Мордоре, а качественно — нет. Мне страшно, что им будет не на что жить, что им будет тоскливо и одиноко, и бессмысленно. Мне страшно, что некоторых из них убьют арабские ракеты. Это вообще отдельный вид волнения.

Мощнее эффекта присутствия может быть только эффект отсутствия — спасибо сатанинской роли медиа всех стран и континентов за сведение нас с ума.

Только титаническим усилием воли я заставляю себя не трезвонить непрерывно всем моим в Израиль, как заставила себя не дергать ежечасно друзей во Флориде, хотя всю ночь зачем-то следила по трекеру за ураганом Милтон. И я понимаю, конечно, что в принципе вопрос о массовых нападениях медведей на россиян прямо на улицах рано или поздно может, как острая вирусная инфекция, поразить почти любого, кто находится вне этих улиц. Мои американские родственники не так давно всерьез спрашивали, ездят ли по ночам воронки в Москве. Даже и не знала, что им ответить: вообще все время всякие воронкоподобные ездят, но пока не в этом смысле.

Возможно, ключевое слово — «пока». В области этой проклятой неопределенности (без иронии) лежат, как мне кажется, все раны и обиды, которые мы нечаянно (чаще, чем намеренно)

наносим друг другу, оказавшись по разные стороны пока еще не совсем железного занавеса. Неопределенность и страх, надежда и отказ от нее, попытки в условиях катастрофы адаптироваться на новом или на старом месте, потери и утраты — в этой зоне ужаса мы до некоторой степени теряем себя, а беспокойство за другого и желание его обезопасить часто принимает жестокие и даже уродливые формы.

Мне страшно повезло: среди моих друзей нет почти никого, кто бы делал вот это все — кричал бы «дура, вали, пока есть возможность, пока не закрыли границы!», объяснял бы мне, что воронки — лишь вопрос месяцев, ставил бы мне популярный, как арбидол, диагноз «стокгольмский синдром» или — бывает ведь и такое — попрекал мещанским цеплянием за герань или обвинял в софинансировании ***. Просто у меня умные и хорошие друзья. Правда, повезло. Потому что, например, за «стокгольмский синдром» я баню сразу. Не говоря уж о прочем. Но вот бог миловал. Пока.

Что я чувствую, когда они, важные и любимые люди, уезжают? Бесконечное облегчение от того, что опасность для них миновала, что их не будут мучать, что они неуловимы. Бесконечную печаль, перерастающую в тоску, а не наоборот, как надо бы.

Хотя широко известен факт, что часто мы больше и лучше видимся и общаемся с теми, от кого живем совсем далеко, а не в пятнадцати минутах езды. Это так. И не так. Наши живые связи как паутина или как сеть кровеносных сосудов. У них есть физическое измерение, которое становится очевидным, когда утрачивается. Целостность паутины нарушается, если важный

сегмент ее изъят, перемещен. Паук беспомощно провисает, не в силах зацепиться лапкой, кровь вытекает в пустоту. Близость не исчезает от того, что моя любимая Б. живет теперь в далеком обстреливаемом Израиле, но мне до физического воя не хватает возможности проехать четыре станции метро, забежать за цветами и присесть в ее кухне на ненавистный, впивающийся в спину стул, чтоб она на меня орала и одновременно кормила меня. Нет, я не делала это очень часто, но зато всегда, всю, можно сказать, сознательную жизнь. И это место болит, как рана.

Я не буду перечислять других, потому что дико расстраиваюсь, до слез, как брошенный в темном лесу малый ребенок, что безусловно эгоистично. И дни рождения, и праздники, и похороны, которые не становятся реже, и пьянки, и с кем ходить в кино, и кому рыдать в трубку ночью (хотя рыдать, положим, можно и эмигрантам, иногда даже удобней ввиду разницы во времени). Но, черт побери, просто реальная возможность обнять руками — она важна, очень. Long distance отношения и браки все же пока не стали преобладающей формой не без причины.

К тому же признаться, с каждым новым уехавшим не может не нарастать смутное чувство, что вот уже уехали все лучшие, уже и все нормальные уехали, а ты — вроде как тот показанный по телевизору мудака с загорелой шеей, который проигнорировал бесчисленные призывы к эвакуации и вместо этого набивал фанеру на окна, а ураган Милтон меж тем приземлится уже через час, кто не спрятался — я не виноват. Но это малодушие, конечно.

В конце концов набивать фанеру на окна — достойное занятие.

В общем, вместо этого сумбурного текста мог бы быть простой, короткий. Будь проклят тот (те), кто опять поломал мир, кто ответственен за тысячи смертей и растление тысяч умов, кто

разлучил нас, превратил в придуманных уехавших и оставшихся, кто всех убил, всех ограбил, все как он любит. Аминь.

Редакция «Новой газеты» готовит к выпуску доклад «Разорванное поколение» целиком. Его можно предзаказать через телеграм-магазин наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Как мы пока никем не стали, но может, еще будем](#)

О растерянности, попытке построить новую жизнь, кризисе идентичности и помощи тем, кому еще хуже

13:33, 11 декабря 2024,